

ТОТ САМЫЙ ДЛИННЫЙ ДЕНЬ В ГОДУ...

(Часть первая)

В будущем году исполняется 80 лет начала Великой Отечественной войны. Казалось бы, за восемь десятилетий мы должны получить аргументированный анализ причин, поставивших нашу страну на грань катастрофы. Недостатка в таких попытках на всем историческом отрезке, начиная с 1941 года, нет. Но ответа, который можно назвать исчерпывающим, как мне кажется, до сих пор не найдено.

В годы войны для подавляющей части общества хватало торопливой оговорки о вероломности нападения со всеми вытекающими последствиями из макиавеллизма врага.

На тот период стране, занятой борьбой с фашизмом, такого объяснения хватало. Всех занимал вопрос: как справиться с агрессором? А экзальтация от Победы в общественном сознании вообще отбросила поиск причин неудач 1941–1942 годов к рубежам недостижимости. И советский народ можно понять. Мы закончили войну в Берлине, а, значит, сделали все правильно.

План Военно-исторического управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР предусматривал создание к 1951 году «Краткого стратегического очерка Великой Отечественной войны». На его страницах предполагалось дать анализ причин наших катастрофических неудач первых лет войны.

Военно-историческое управление разослало письма высшим офицерам, занимавшим накануне 22 июня 1941 года значимые должности в приграничных округах. Им предлагалось написать воспоминания о первых месяцах войны в качестве справочного материала для стратегического очерка. Из 202 адресатов ответы прислали 33 действующих и находящихся в запасе генерала. Молчание большинства тех, кто встретил войну на должностях высшего командного состава приграничных округов, выглядело симптоматично, как и общий ход работ над стратегическим очерком. Он не

увидел свет в 1951 году. Его издадут десятью годами позже под грифом «совершенно секретно». О причинах поражений в стратегическом очерке говорится не языком военных, а политиков. Они сводились к общим идеологемам, которые, разумеется, не расходились с точкой зрения руководства страны, сформулированным новым советским лидером Никитой Хрущевым, который сумел получить полноту власти в стране и право на истину после череды «дворцовых переворотов».

Есть основания сомневаться в стремлении первого секретаря ЦК КПСС к объективности. Задаваясь вопросом о причинах военных неудач, Никита Сергеевич уже заранее сформулировал для себя ответ в русле инициированного им курса на развенчивание культа личности Иосифа Сталина. Конечно, во всем виноват «вождь всех времен и народов». Тогда же родились мифы о советских суперразведчиках, которые в десятках донесений предупреждали Сталина о подготовке нападения, называли точную дату вторжения, количество дивизий, направления основных ударов и другие абсолютно достоверные сведения, вплоть до содержимого ночного горшка Гитлера.

Сегодня, когда есть возможность познакомиться с донесениями советской военной и политической разведок, появилось понимание, насколько расплывчатые и противоречивые сведения получал Центр от агентурной сети, в том числе от Рихарда Зорге. Желаящие могут познакомиться с докладом начальника Главного разведуправления РККА Филиппа Голикова, датированного мартом 1941 года. В нем в качестве вывода говорилось о том, что Германия, скорее всего, не начнет войну с Советским Союзом до разгрома Англии или до заключения Берлином и Лондоном мирного соглашения.

С выводами Филиппа Голикова диссонировала датированная апрелем аналитическая записка советского военного атташе в Германии генерала Василия Тупикова. Он считал, что Берлин начнет войну с Советским Союзом, не дожидаясь решения британского вопроса. Не называя сроков начала вторжения, Василий Тупиков сумел предсказать ход первоначального этапа войны: «Красная Армия, не имея подготовленных рубежей обороны внутри страны, широко разветвленной аэродромной сети и заранее подготовленных путей сообщения, после первого удара будет стремительно отходить назад, не имея возможности задержаться ни на одном заранее подготовленном рубеже... Немцы одновременным ударом в нескольких направлениях прорвут фронт и разъединят Красную Армию на отдельные группы, в дальнейшем будут стремиться окружить и уничтожить их. Особую роль сыграют подвижные войска, которые после прорыва быстро проследуют в глубину, выйдут на пути отхода Красной Армии и произведут окружение. Большая роль в этих действиях отводится авиации и воздушным десантам. По времени всю эту операцию (разгром армии и выход на меридиан Москва)

предполагается осуществить в один-полтора месяца». Василий Тупиков, к тому времени уже начальник штаба Юго-Западного фронта погибнет в сентябре 1941 года. Красная Армия лишится великолепного аналитика. Последние строки его записки позволяют предположить, что советский военный атташе в Германии мог что-то знать о плане «Барбаросса».

Предложенный Тупиковым сценарий войны не соответствовал представлениям тогдашнего начальника Генерального штаба РККА Георгия Жукова о начальном этапе боевых действий. Он полагал, что нынешнее противостояние с Германией начнется по сценарию Первой мировой войны: с локальных операций сторон в течение первых двух-трех недель, пока обе армии не завершат мобилизаций. Мне очень трудно представить, как начальник Генерального штаба Красной Армии мог считать, что дивизии вермахта, не прекращавшие масштабные боевые действия с 1 сентября 1939 года, к нападению на Советский Союз окажутся не укомплектованы по штатам военного времени?

Уже известный нам Филипп Голиков в период хрущевской оттепели упорно твердил, что «Хозяину», то есть Сталину, докладывали только то, что он хотел слышать. Иными словами, Наркомат обороны, Генеральный штаб заведомо дезинформировали высшее политическое руководство страны. Но это, господа-товарищи, тягчайшее преступление, которое в условиях военного времени карается расстрелом. Судя по всему, и Никите Сергеевичу Хрущеву Филипп Иванович Голиков докладывал то, что первый секретарь ЦК КПСС желал слышать. Не исключено, что именно по этой причине карьера бывшего начальника Главного разведывательного управления РККА, спустя 14 лет после окончания войны, пошла в гору. За пару лет, с 1959 по 1961 годы, от генерал-полковника он дорастет до маршала Советского Союза.

Сегодня мы точно можем сказать, что военная разведка, как агентурная, так и войсковая, останется ахиллесовой пятой Красной Армии до конца 1943 года. Перед началом войны она не вскрыла состава и целей ни одной из ударных группировок гитлеровцев. Руководство РККА, командование приграничных округов не ожидали концентрированных мощнейших ударов, с которым вермахт обрушился на Красную Армию сразу на трех направлениях. Советская военная разведка продолжит «серьезно ошибаться» вплоть до начала 1944 года.

Ее последним стратегическим провалом станет неправильное определение немецких сил, привлекаемых к операции «Цитадель» (гитлеровскому плану окружения советских войск в Курском выступе), что едва не обернулось катастрофой для Воронежского

фронта Николая Ватутина. Про «близорукость» разведки в 1941 году вообще можно написать целый трактат. Ограничусь лишь тремя напоминаниями.

Она не заметила переброски XXXIX механизированного корпуса немцев на северо-западное направление, что обернулось блокадой Ленинграда. Разведка не увидела поворота на север танковой группы Эдварда фон Клейста, результатом которого стал гигантский Киевский котел. Мы не увидели осеннего сосредоточения войск на московском направлении. Не стану напоминать, чем это обернулось...

Утверждение, что советская военная разведка в 1941 году знала все о планах Германии в отношении Советского Союза, мягко говоря, не соответствует действительности. Даже конъюнктурные соображения в известные периоды советской истории не сподвигли серьезных исследователей, в отличие от некоторых генералов и маршалов, а также огромного числа журналистов и писателей снизить до безудержных фантазий о прозрачности тайн III рейха для агентуры Красной Армии и НКВД – НКГБ.

Густой туман споров о том, сообщались или нет советскому политическому и военному руководству точные даты начала войны, скрыл от нас провалы разведки, которые, на мой взгляд, имели более губительные последствия для РККА, даже чем внезапность нападения.

Молниеносная победа Германии над французско-английской коалицией в 1940 году, в которой решающая роль оказалась за гитлеровскими подвижными соединениями, заставила советское руководство экстренно приступить к созданию механизированных корпусов, которые расформировали годом ранее. Первоначально в СССР приняли решение о создании восьми МК. В начале 1941 года приступили к формированию еще 21 механизированного корпуса. Вскоре управление одного из них приняли решение упразднить.

Считалось, что советские механизированные корпуса создавались по образу и подобию подвижных соединений вермахта. Но советская военная разведка до начала войны так и не сумела установить организационно-штатную структуру немецких танковых и моторизованных дивизий, которые органично комплектовались всеми родами войск (мотопехотой, различными видами артиллерии, саперами, частями обеспечения), необходимыми для проведения стремительных операций блицкрига. Лишь в июле 1941 года после контрудара под Сольцами в руки советскому командованию случайно

попадут инструкции по боевому применению танковых дивизий вермахта. Они заставят экстренно вносить изменения и в тактику действий подвижных соединений РККА, и в их организационно-штатную структуру, но к тому времени Красная Армия лишится МК – своей основной ударной силы. Их считали несокрушимыми перед началом войны, но почти все они окажутся разгромлены менее чем за месяц после начала боевых действий.

Последнее массовое применение механизированных корпусов состоялось 6 июля при нанесении контрудара в Белоруссии на Лепельском направлении. Неудачное наступление советских 5-го и 7-го МК в исторической литературе также называется сражением под Сенно. Для вступающих в бой советских подвижных соединений эффекта неожиданности уже не существовало, как в первые дни и часы войны, но все равно они оказались разбиты.

Сказалось и неумелое использование механизированных корпусов, и отсутствие авиационной поддержки, и слабое взаимодействие между родами войск, и просчеты в организационной структуре МК. Они оказались чрезмерно отягощены бронетехникой. В каждом корпусе предполагалось иметь по 1 031 танку. В реальности в большинстве соединений, находившихся к началу войны на стартовом этапе формирования, не было и половины положенной по штату бронетехники, но еще было меньше средств обеспечения ее боевого использования.

На вооружении МК состояли десять типов танков, не считая их модификаций. Это было настоящим ужасом для технических и тыловых служб корпусов и округов (с началом войны – фронтов), в прямом подчинении которых МК в основном находились. Каждому типу танков требовались свои запчасти, свои боеприпасы, свое топливо (бензин и солярка), свои технологические карты ремонта и обслуживания, своя тактика боевого применения. Для каждого – свои нормативы и скорость. За КВ из-за широкой колеи «Клима Ворошилова» не мог пройти ни один танк.

Проблемы технического и тылового обеспечения такого разнотипного парка подлежали решению с высокой степенью напряжения, если бы шла речь о сотнях танках, но в Красной Армии к июню 1941 года их насчитывалось около 26 тысяч.

В январе 1930 года Михаил Тухачевский предложил руководству страны план строительства 50 тысяч легких танков. Тогда Сталин высказался решительно против такого проекта: «Осуществить» такой «план» – значит, наверняка загубить и

хозяйство страны, и армию: это было бы хуже всякой контрреволюции».

Но в результате к 1941 году Советский Союз почти реализовал безумный план Михаила Тухачевского, построив около 30 тысяч танков, не считая бронев автомобилей, которых в каждом механизированном корпусе полагалось иметь по 268 единиц. Как следовало ожидать, РККА оказалась не в состоянии такую массу бронетехники сколь-либо грамотно применять и эксплуатировать. Большинство машин мы потеряли в первые дни войны не в результате боевых потерь, а из-за технических неисправностей, бросили из-за отсутствия топлива и боеприпасов. Механизированные корпуса не имели достаточного количества транспорта, топливозаправщики исчислялись единицами.

Мотопехота в МК в большинстве случаев только считалась моторизованной, не имея средств передвижения. Самоходной артиллерии в РККА к началу не существовало, а буксируемая (особенно больших калибров) и наполовину не была обеспечена тягачами. Роль последних в большинстве случаев выполняли трактора, которые в силу своей тихоходности безнадежно отставали от танков. Сотни артиллерийских систем так и остались на складах неприкосновенного запаса. Они перешли в руки врага в заводской смазке...

Просчеты в формировании механизированных корпусов практически обнулили результаты напряженной работы нескольких лет советской оборонной промышленности и оставили Красную Армию на долгие месяцы без необходимого количества тяжелого вооружения.

Вопреки всему этому с середины 50-х годов миф о беспредельных возможностях советской военной разведки, активно тиражируемый до сего дня, начал активно внедряться в общественное сознание.

В этот период предпринимается попытка реанимировать работу Военно-исторического управления Генерального штаба над стратегическим очерком.

Вновь рассылаются письма генералам, встретившим войну на западных рубежах страны. В них предлагалось ответить на ряд «неясных и документально неполно освещенных вопросов». Могу со всей ответственностью заявить, что по большей части таковыми они

остаются до сегодняшнего дня.

Чтобы не показаться голословным, приведу некоторые из вопросов, на которые предлагалось ответить действующим или уже находящимся в запасе и отставке генералам. Тексты писем в зависимости от должности адресата, которую он занимал к июню 1941 года, рода и вида войск, имели вариации.

Итак, чем же интересовалось Военно-историческое управление, реформированное в середине 50-х годов в отдел:

- Когда было получено Вами распоряжение о приведении частей вверенного Вам соединения в боевую готовность? Какие и когда были отданы частям соединения указания во исполнение этого распоряжения и что ими было сделано?

- Где находилась артиллерия вверенных Вам частей к моменту начала боевых действий? Если она находилась в артиллерийских лагерях, то когда она присоединилась к своим частям и соединению?

- Укомплектованность авиасоединений и частей ВВС материальной частью и ее качество. Насколько самолеты новых типов, поступивших на вооружение, были освоены летным составом? Подготовленность летного состава к ведению боевых действий.

- Насколько в штабе округа была известна группировка немецко-фашистских войск накануне войны?

- Имелись ли в штабе округа данные о времени начала военных действий со стороны гитлеровской Германии?

Как видим, задавали вопросы, которые и по сей день остаются актуальными. Вокруг них кипят споры. Попытки пролить свет истины на них выливаются в многочисленные

кандидатские и докторские диссертации, но при этом во всем чувствуется некоторая недосказанность.

В этот раз ответов на запросы Военно-исторического отдела пришло значительно больше. С ними можно познакомиться в недавно изданном двухтомнике «Пишу исключительно по памяти...». Уже название книги предупреждает, что пытливого читателя ждет определенное разочарование. Частично мы имеем дело с формальными отписками. В большинстве случаев придется знакомиться с мемуарным изложением первых недель и месяцев войны, объединенных общей мыслью, с которой я, впрочем, вполне солидарен: «Мы дрались отчаянно и храбро, но немцы в тот период оказались сильнее, опытнее нас и более подготовлены к войне».

От острых частных вопросов практически все корреспонденты Военно-исторического отдела стараются уходить. Скорее всего, им и самим непонятно как могло оказаться, что авиацию пограничных округов, особенно Западного, не рассредоточили по полевым аэродромам? Почему с некоторых типов новых истребителей перед войной поступила команда снять вооружение? Почему значительная часть артиллерии оказалась выведена на полигоны исключительно с запасом учебно-тренировочные боеприпасов, то есть с инертными снарядами? Почему командно-политическому составу Красной Армии не отменили отпуска?.. И еще очень много мелких и больших «почему», складывающихся в трагическую картину, приведшую РККА наряду с другими причинами к тяжелейшим поражениям и миллионным потерям.

Среди этих «почему» не последнее место занимают оставшиеся в Белостокском выступе две советские армии, которые, как продемонстрировали прошедшие за полгода до начала войны учения, при ударе с запада неизбежно оказываются в котле. Так случилось и в реальной боевой обстановке.

Владимир СЛАБУКА